

УДК 94(470.5)

ББК 63.3(235.55)522-06

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Л.А. Дашкевич

Екатеринбург

«ШКОЛЬНАЯ СМУТА» НАЧАЛА XX В.

КАК ФАКТОР РАДИКАЛИЗАЦИИ УРАЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образование, школьные волнения, революция, история Урала начала XX в.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется характер ученических волнений в Екатеринбурге начала XX в. Главной причиной этих волнений первоначально было недовольство учащихся внутришкольными порядками. Консерватизм и репрессивные действия училищной администрации радикализировали молодежь. Во время революции 1905-1907 гг. требования учащихся носили уже и политический характер. Для наиболее активных участников школьных волнений эти акции стали школой революционной борьбы.

L.A. Dashkevich

Yekaterinburg

«SCHOOL DISTEMPER» OF THE BEGINNING OF THE 20th

CENTURY AS A FACTOR IN THE RADICALIZATION

OF THE URALS' YOUTH

KEY WORDS: education, school riots, revolution, history of the Urals in the early 20th century.

ABSTRACT: The article examines the nature of student riots in Yekaterinburg in the beginning of the 20th century. Initially, the main cause of these riots was students' discontent with the inner school policy. Conservatism and repressive actions of the school's administration radicalized the youth. During the revolution of 1905-1907, students' demands were more of a political character. For the most active participants of school riots, these protests became a school of revolutionary struggle.

Волна ученических волнений, прокатившаяся по средним учебным заведениям России в конце XIX - начале XX в. (современники называли ее «среднешкольным движением» или «школьной смутой») (6, 7), оказала значительное влияние на становление социального мироощущения учащейся молодежи – той возрастной страты населения, которая вышла на авансцену российской истории в 1917 г. Не остался в стороне от этого движения и Екатеринбург. Как правило, главной причиной волнений в учебных заведениях города было недовольство учащихся внутришкольными порядками, особенно сложив-

шейся в системе образования избыточностью дисциплинарного контроля. Наиболее активную позицию в этом вопросе занимали учащиеся Уральского горного училища. В начале XX в. это учебное заведение продолжало действовать по Уставу 1852 г., основанному на «Положении об учебных заведениях уральских горных заводов». Положение было составлено по инициативе главного начальника уральских горных заводов генерала В.А. Глинки. В его основу легли представления генерала о правилах образования и воспитания кадров военизированной горной службы. Уральское горное училище было закрытым учебным заведением. Учащиеся, происходившие по большей части из семей заводских служащих и рабочих, жили в пансионе под строгим наблюдением надзирателей. Для «нерадивых и замеченных в каких-либо проступках воспитанников» существовала целая система наказаний, включавшая порку розгами и заключение в карцер.

Против устаревшего Устава учащиеся Уральского горного училища («уральцы»), как они сами себя называли) протестовали не раз. Например, в 1901 г. воспитанники старшего класса подали заведующему горным училищем П.И. Паутову коллективную просьбу об отмене взысканий за плохие отметки, которые были наложены на учеников надзирателем А.А. Васильевым. Дисциплинарные меры предусматривали обязательное пребывание в училище приходящих учеников в выходные дни с двенадцати до двух часов дня, а пансионеров и вовсе лишали воскресного отпуска. Ходатаем от учеников выступил их старший товарищ, 24-летний Алексей Хапугин. В рапорте прокурора Казанской судебной палаты следующим образом описывалась последовательность событий, приведших к открытому конфликту в училище. 23 января 1901 г., на встрече с Паутовым Хапугин заявил, что надзиратель Васильев превышает власть, предоставленную ему законом, он несвоевременно будит учеников по утрам, делает им незаслуженные замечания, само же поведение надзирателя не соответствует занимаемому им положению, «ибо он пьянствует, вовлекает в пьянство учеников и фамильярничает при этом с ними» (1. Л. 44 об.). П.И. Паутов объяснил собравшимся ученикам, что меры, против которых они протестуют, предусмотрены Уставом училища, они приучают молодежь «к строгому исполнению своего долга» (1. Л. 44), подобные меры практикуются и в других учебных заведениях. Суждения о пригодности или непригодности служебного персонала училища, по мнению управляющего, также не подлежали компетенции воспитанников, тем более, что претензий к пятилетней службе Васильева у него не было и никаких претензий ранее на надзирателя не поступало. Саму просьбу учащихся, выраженную в коллективной форме, от лица целого класса, по заранее составленному уговору, управляющий назвал совершенно недопустимой (1. Л. 45). После встречи с Паутовым собравшиеся ученики разошлись и занятия возобновились. Управляющий училищем сообщил обо всем случившемся

исполняющему обязанности главного начальника Уральских горных заводов П.П. Деви, тот призвал не удовлетворять просьбы учеников, «дабы не поощрять их к подобным заявлениям и требованиям в будущем» (1. Л. 45).

События, однако, на этом не закончились. Через несколько дней, 26 января 1901 г., учитель химии Л.Г. Романов решил сделать внушение ученикам первого класса, «убеждая их быть более трудолюбивыми, спокойно относиться к своим обязанностям и не увлекаться тем течением, какое замечается в среде их товарищей старшего класса», их не должны интересовать взгляды Хапугина, «который по зрелости своих лет, уже имеет другие запросы к жизни» (1. Л. 45). Эту информацию ученики младшего класса тут же передали своим старшим товарищам, заметно усилив высказанный учителем негатив. Они рассказали, что Романов считает старшеклассников лентяями, а Хапугина – главным зачинщиком волнений. После этого обстановка в училище вновь накалилась. 27 января учащиеся второго класса пригласили в класс П.И. Паутова и потребовали публичных извинений от учителя Романова. В противном случае Хапугин угрожал «прибегнуть к печати или даже суду» (1. Л. 45). Управляющий училищем встал на сторону преподавателя. Тогда А. Хапугин отправил прошение на имя и.о. главного начальника горных заводов П.П. Деви с жалобой на преподавателя Романова за нанесенные ему и всему классу оскорбления.

На встрече Деви с Паутовым главный начальник горных заводов предложил исключить Хапугина из училища для того, чтобы пресечь ученические волнения. 28 января 1901 г. это решение было принято советом преподавателей. П.И. Паутов сообщил об этом Алексею Хапугину вечером, попросив его добровольно забрать документы, иначе придется его исключить, что отразится на дальнейшей судьбе воспитанника. Хапугин забирать свои документы отказался, заявив, что считает решение совета незаконным и он будет «всячески искать своих прав». В виду позднего времени Алексей попросил у управляющего разрешения переночевать в училище. Ночью, очевидно, между учениками состоялось обсуждение сложившейся ситуации и одноклассники решили встать на защиту товарища. 29 января все воспитанники второго класса заявили Паутову, что они вслед за Алексеем Хапугиным подают просьбу о выходе из училища. Беседы управляющего с учениками, продолжавшиеся до вечера, не принесли результата. Все 46 учеников забрали документы и передали их Хапугину. Ночью, около 10 часов, совет преподавателей решил удалить руководителя ученической забастовки из учебного заведения с помощью полиции. В Горное училище явился полицмейстер Екатеринбургa и отправил Хапугина в канцелярию пристава первой части города. Паутов рассчитывал, что арест зачинщика волнений устроит учащихся и «благотворно» воздействует на них. Но ребят это лишь сплотило. Они не только «не поддались увещаниям, но демонстративно и с угрозами из толпы препятствовали угова-

ривать своих товарищей» (1. Л. 49). Некоторые ученики отправились в спальное помещение и стали уговаривать своих товарищей из младшего класса присоединиться к протестам. Около 12 часов ночи преподавательский совет вновь обратился к полиции. Вслед за Хапугиным, в канцелярию пристава были отправлены 22 наиболее активных участника волнений. На следующий день, 30 января, занятия во втором классе не проводились. Ученики младшего класса поддержали забастовку. Они отказались идти на занятия в золотосплавочную лабораторию. С этими протестными выступлениями, правда, администрация быстро справилась. Из училища были уволены семь участников волнений, после чего занятия продолжились. Скоро прекратилась и забастовка старшего класса. Родители учеников, вызванные в Екатеринбург П.И. Паутовым, встретились с Хапугиным и забрали у него ученические документы. Почти все бывшие воспитанники училища подали ходатайства о возвращении их в старший класс. К учебе не вернулись лишь шесть учеников, пять ходатайств, помимо того, отклонила администрация училища. Не разрешили вернуться к занятиям и семи уволенным участникам волнений из младшего класса (1. Л.84).

Горный инженер Н. Нестеровский, направленный в Екатеринбург Горным департаментом, увидел главную причину случившегося происшествия в том, что после ухода из Горного училища управляющего Н.Е. Китаева в учебном заведении был ужесточен дисциплинарный режим. По мнению нового управляющего П.И. Паутова, «воспитанники этого учебного заведения были сильно распущены и пользовались большой свободой» (1. Л. 52 об.). Он запретил пансионерам училища ежедневно отлучаться в город для посещения театра и других общественных мест, ввел более жесткие меры контроля за учениками в самом училище. Это вызвало недовольство и протесты учащихся. Отметил Нестеровский и другую, «внешнюю» причину волнений учащихся. «Не следует забывать, – писал он, – что беспорядки эти возникли вслед за волнениями в университетах и других высших учебных заведениях. О существовании последних воспитанники Уральского горного училища, конечно, знали из газет, да и от только что возвратившегося из Москвы, старшего по летам, товарища их Алексея Хапугина, перед которым они так благоговели» (1. Л. 53 об.). В целом, проверяющий поддержал действия администрации Горного училища, не одоблив только привлечение полиции, так как ученики не совершали насильственных действий. В своем отчете он написал, что требования учеников «не могли быть исполнены без того, чтобы не уронить вконец престижа власти» (1. Л. 52).

Консерватизм и репрессивные действия начальства сплотили училищную молодежь. О «товарищеской спайке» учащихся Уральского горного училища вспоминали выпускники 1904 г. инженеры И.В. Шишкин и В.Н. Швецов. В мемуарах отмечены те социальные приоритеты, которые формировались в

поведении «уральцев» во время обучения – чувство собственного достоинства, нетерпимость к мелочной регламентации, придирам и оскорблениям. Несмотря на запреты администрации, в случаях личного оскорбления кого-либо из учеников, их интеллектуального принуждения или других вызовов ребята нередко занимали согласованную позицию и добивались своего. Инженеры, в частности, рассказали о конфликте учеников с преподавателем Головачевым, который получил в училище прозвище «пожарный» за свою привычку браниться. Однажды, когда Головачев обозвал ученика «дрянью», все ребята поднялись и вышли из класса. На перемене они написали учителю письмо с требованием извиниться за оскорбление и впоследствии быть вежливым. Вплоть до публичных извинений учителя и его заявления о том, что впредь он будет с учащимися «изысканно вежлив», занятия не продолжались, ученики отказывались отвечать на поставленные учителем вопросы (3. Л. 40). Большую роль в нравственном становлении молодежи играло чтение и обсуждение литературы, с которой ученики могли познакомиться в библиотеках города и внутри самого училища. И.В. Шишкин и В.Н. Швецов вспоминали: «Большую часть времени пансионер проводил в стенах пансиона. Жизнь внутри пансиона проходила под неослабным надзором двух надзирателей, носивших клички "Чек", дежуривших в пансионе посуточно - непрерывно. Несмотря на это, у пансионеров имелся свой уголок – курилка с камином, находившаяся вне сферы влияния надзирателей. В этой комнате-курилке происходили ночные прения, затягивавшиеся далеко за полночь, когда участникам дискуссий удавалось улизнуть в "дезабиль" из спальни мимо спящего около входных дверей "Чека". К концу второго года пребывания в пансионе первокурсник сменял свое мировоззрение полностью и становился, по меньшей мере, атеистом, чему много способствовало групповое чтение Бокля, Маркса, Энгельса и нелегальной литературы, которой в училище всегда было достаточно. Хранилась она под подоконными железными листами и никакие обыски не могли таковую обнаружить» (3. Л. 25 об. – 26).

Особую роль в радикализации взглядов учащейся молодежи сыграли революционные события 1905 года. В октябре 1905 г., после издания царского «Манифеста об усовершенствовании государственного порядка», на Урале состоялась полоса многолюдных митингов и собраний, активное участие в которых приняли ученики средних учебных заведений. Революционные выступления встретили сопротивление верноподданнически настроенного населения. 19 октября 1905 г. в Екатеринбурге в результате зверского избиения колонны учащихся, шедшей с красными флагами на Кафедральную площадь, двое человек были убиты, двенадцать юношей и девушек ранены (4. С. 161). Эти события подтолкнули учащихся Уральского горного училища к массовым выступлениям с принятием петиции в адрес горного департамента и ми-

нистра финансов. До выполнения требований, содержащихся в этом документе, ученики отказались посещать занятия.

Петиция учеников Уральского горного училища, отправленная в Санкт-Петербург 14 ноября 1905 г., была одной из самых радикальных среди появившихся в то время в средних учебных заведениях страны протестных документов. Она включала требования, носившие как корпоративный, так и политический характер. Политическая часть петиции звучала следующим образом: «Присоединяясь к голосу сознательной России, мы требуем: Учредительного собрания на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; замены постоянной армии народной милицией, отмены военного полевоего суда над кронштадтскими и черноморскими матросами, учреждения народного университета и реформы низших школ сообразно требованию поступления в средние учебные заведения» (2. Л. 115). Среди корпоративных требований можно отметить следующие: 1) гарантия неприкосновенности забастовавших учеников; 2) лишение главного начальника Уральских горных заводов решающего голоса в делах училища с заменой его голосом голосом училищного совета, куда должны войти управляющий училищем, инспектор, педагоги, а также два члена от Общества горных техников, два члена от Съезда горнопромышленников и сами воспитанники училища, выбранные их товарищами; 4) предоставление преподавателям большей самостоятельности в учебном деле; 5) изучение Закона Божьего по желанию; 6) прием учеников в училище без всяких ограничений в сословии, национальности, вероисповедании и возрасте (в том числе и женщин); 7) уважение личности учеников; 8) признание товарищеского суда; 9) неприкосновенность ученической корреспонденции; 10) полнейшая свобода собраний, союзов, кружков учащихся; 11) учреждение кассы взаимопомощи для бедных учащихся; 12) необязательность ношения формы; 13) отмена обязательного отдания чести горным инженерам, не входящим в преподавательский состав училища; 14) право свободного издания ученического журнала без предварительной цензуры со стороны училищного начальства; 15) уничтожение отпускных билетов для пансионеров; 16) уничтожение должности надзирателей; 17) передача заведования училищной библиотекой самим учащимся с правом выписки газет и журналов по желанию воспитанников; 18) право поступать во все специальные технические учебные заведения. Особо оговаривалась необходимость отстранить от работы преподавателей Иванова и Муханова, «за неспособностью их в деле преподавания». Учащиеся также требовали отменить дежурство у локомобиля (эта работа, очевидно, для ребят была физически тяжелой). Под петицией стояли подписи всех 80-ти воспитанников Уральского горного училища (1. Л. 114).

Училищное начальство металось между применением крайне репрессивных мер по отношению к учащимся и уступками. 20 декабря 1905 г. главный

начальник Уральских горных заводов П.П. Боклевский доносил в горный департамент о том, что «не менее половины учеников старшего класса и около трети из младшего, несомненно, форменные революционеры-социалисты, даже с анархическим оттенком», но исключить «эту беспокойную группу» из училища невозможно, так как «общественное мнение будет на их стороне, считая их людьми пострадавшими за свои убеждения» (1. Л. 124 об.). Для прекращения ученических волнений решено было временно закрыть училище. В декабре 1905 г. пансионерам предложили в трехдневный срок очистить интернат и разъехаться по домам. Занятия возобновились только осенью 1906 г., но в училище приняли не всех. Восемь учеников, арестованных в январе 1906 г. по подозрению в краже динамита со склада Верх-Исетских рудников, были уволены. Обвинения против учеников, правда, не были доказаны и учеников из-под стражи освободили, но подозрения об их связи с радикалами остались. И основания для этого были. В конце 1905 г. в Екатеринбург была создана боевая дружина под руководством выпускника Уральского горного училища Ф.Ф. Сыромолотова, воспитанник училища Л. Гребнев активно работал в мастерской по производству бомб (8. С. 15).

Администрации училища с большим трудом удалось успокоить учеников, вернувшихся к занятиям в сентябре 1906 г. П.П. Боклевский доносил в горный департамент о том, что управляющий училищем Паутов «не желая вызывать конфликт из-за сравнительно неважных вопросов», согласился удовлетворить некоторые требования учеников. Воспитанникам разрешили не дежурить при локомотиве, ученики заявили, что они теперь не живут при училище (пансионат был временно закрыт), дежурство же в этом случае является «чистейшей эксплуатацией их труда». Участникам церковного хора управляющий позволил добровольно петь в церкви (1. Л.148). Ученики остались верны и указанному в петиции требованию об отстранении от занятий инспектора горного училища В.М. Иванова, они отказались посещать его уроки. П.И. Паутов вместе с комиссией из опытных инженеров провел прослушивание занятий этого преподавателя и выявил необоснованность ученических претензий. Однако, оскорбленный преподаватель решил сам уйти из училища, что было встречено учениками «с ироническими улыбками, за которыми ясно чувствовалась мысль "А мы все-таки своего добились!"» (1. Л. 149 об.).

Поражение революции 1905-1907 гг. несколько охладило радикальные настроения молодежи. Изменились и условия жизни и обучения «уральцев». «Школьная смута» заставила учебное начальство пойти на корректировку школьной политики. В 1908 г. было введено новое Положение, отменившее прежние суровые меры наказания в Уральском горном училище и усилившее права его выпускников. В 1910 г. в учебную программу учебного заведения были включены новые предметы: электротехника, электрометаллургия, зако-

новедение применительно к горнозаводскому делу, основы бухгалтерии и коммерческой электрометаллургии, теория словесности, история русской литературы, немецкий язык с техническими переводами. Для желающих стали преподаваться французский и немецкий языки (9. С. 85). Хотя училище и продолжало считаться одним из центров «крамолы» в городе, многие его питомцы предпочли отказаться от политических акций. Приоритетными для них стали вопросы профессионального обучения и будущей служебной карьеры. Об этом свидетельствует профессор Уральского горного института А.И. Веселов. Он писал: «Мои воспоминания об Уральском горном училище относятся к 1911-1915 годам, когда я и мои одноклассники (В.В. Данилов, С.Г. Мокрушин и К.В. Кочнев) учились в нем. Уральское горное училище пользовалось хорошей репутацией на предприятиях горной промышленности Урала, Сибири. Это объяснялось хорошей подготовкой горных техников, которые нередко занимали инженерные должности» (10. С. 79).

Главный начальник горных заводов П.П. Боклевский справедливо считал события, случившиеся в Горном училище, лишь следствием «возбужденного состояния всего русского общества», большинство воспитанников, с его точки зрения, были «только увлекающимися по молодости лет» (1. Л.144 об.). С этими выводами современника солидарен современный историк Н.С. Ватник. Одну из причин прекращения «школьной смуты» он видит в специфике социального поведения самой учащейся молодежи. «Наряду со способностью откликаться на общественные события, она продемонстрировала специфические, обусловленные возрастом и недостатком жизненного опыта, качества: неспособность к напряженной длительной борьбе, склонность к радикализму и эффективным, часто асоциальным акциям, импульсивность и быстрый отказ от активных действий в случае неудачи» (5. С. 118). Для наиболее активных участников школьных волнений, однако, эти акции стали школой революционной борьбы.

Источники:

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999.
2. РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5999.
3. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 93. Оп. 1. Д. 365.

Литература:

4. Быстрых Ф.П. Большевистские организации Урала в революции 1905-1907 годов. – Свердловск: Кн. изд-во, 1959. – 363 с.
5. Ватник Н.С. «Школьная смута» 1905 года как феномен революции // Российская история. 2016. № 4. С. 113-118.

6. Динзе В.Ф. Очерки по истории среднешкольного движения. СПб., 1909. – 70 с.
7. Знаменский С.Ф. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905-1906 гг. и их значение. Общий очерк и материалы. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1909. – 294 с.
8. Рушанин В.Я. Рабочая молодежь Урала в борьбе против самодержавия и капитализма (1903-1917 гг.): учебное пособие. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 73 с.
9. Сто лет горнотехнической школы на Урале. – Свердловск: Свердловское обл. гос. изд-во, 1948. – 248 с.
10. Уральская школа техников. - Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1972. – 199 с.

УДК 372.893

ББК 4420

ГСНТИ 14.07.01

Код ВАК 07.00.02

З.И. Гузненко

Екатеринбург

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. КАК ТРУДНЫЙ ВОПРОС ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, Великая российская революция, Отечественная история, школьные программы по истории, школьный учебник истории, принцип научности.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается постановка актуальных вопросов революционных событий 1917 г. в России в нормативно-правовых и учебно-методических документах, определяющих структуру и содержание школьного исторического образования.

Z.I. Guznenko

Yekaterinburg

RUSSIAN REVOLUTION 1917 AS A DIFFICULT QUESTION PATRIOTIC STORIES

KEY WORDS: revolution, the Great Russian Revolution, Native history, school curricula in history, school history textbook, scientific principle.

ABSTRACT. The article discusses the production of topical issues of the revolutionary events of 1917 in Russia in the legal and educational documents, defining the structure and content of school history education.